

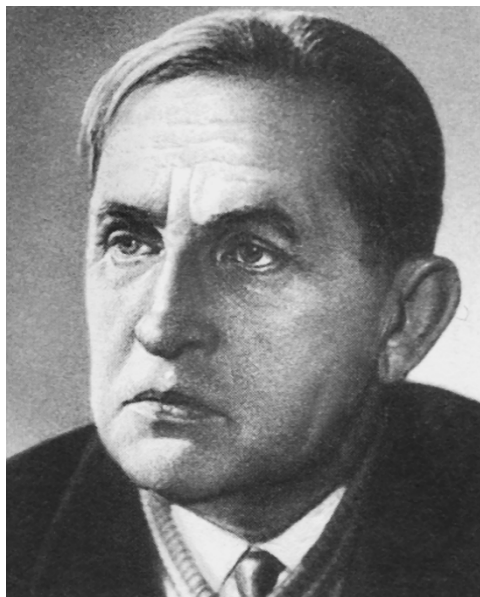
мышляет о жизни и смерти, дает «обоснование элегии», но при этом испытывает «непривычку к созерцанию», ставит перед собой задачу «пробиться сквозь обыденность» к идеальному и вечному. Поэт говорит, пусть подчас грубовато и иронически, о душе, о «ладе мировом», о Платоне, боге (конечно, с маленькой буквы) и родственниках Христа, о золотых куполах Юона, о Боттичелли с его утонченной и божественной Венерой (см. стих. «**Рай**»), но остается реалистом и атеистом. Романтические атрибуты всех этих мотивов свидетельствовали не об отступлении С. от своего подчеркнуто реалистического мировосприятия, а только обозначили его границы. С. до конца оставался самим собой. Следуя своему суровому реализму, он не желал испытывать никакой восторженности даже перед красотой и величием мира. Он был готов бросить вызов этому величию. Потому и были так беспощадны строки, выражавшие философскую позицию поэта: «Вогнутый выпуклого не поймет. / Сытый голодного не оценит. / Что их рассудит? Один пулемет. / Кто их помирят? Тот, кто их сменит. / Нету надежд внутри жизни, внутри / века, внутри настоящего времени. / Сможешь — засни, заморозься, замри / способом зернышка, малого семени».

Значителен труд С.-переводчика. Он переводил П. Неруду, Н. Хикмета, Э. Межелайтиса и мн. др. поэтов, стремясь содействовать сближению разных народов и стран: «Работаю с неслышанной охотой / Я только потому над переводами, / Что переводы кажутся пехотой, / Взрывающей валы между народами... / Пучины розни разделяют страны. / Дорога нелегка и далека. / Перевожу, как через океаны, / Поэзию в язык из языка».

Соч.: Память: стихи. 1944–68 / вступ. статья Л. Лазарева. М., 1968; Избранное. 1944–77 / предисл. К. Симонова. М., 1980; Стихотворения / вступ. статья Е. Евтушенко. М., 1989; Стихи разных лет. Из неизданного. М., 1988; О других и о себе. М., 1991; СС: в 3 т. / вступ. статья [Т. 1], сост., подгот. текста и комм. Ю. Болдырева. М., 1991.

Лит.: Аннинский Л. Тридцатые — семидесятые. М., 1977. С. 157–169; Чупринин С. Борис Слуцкий: Школа долга // Чупринин С. Крупным планом. М., 1983; Урбан А. На пределе риска: Борис Слуцкий // Урбан А. В настоящем времени. Л., 1984; Лазарев Л. «Покуда над стихами плачут...»: О Борисе Слуцком // Вопр. лит-ры. 1988. № 7; Лавлинский Л. Без уступок: Уроки Бориса Слуцкого // Лит. обозрение. 1989. № 7; Мацкин А. О Борисе Слуцком и не только о нем // Лит. обозрение. 1990. № 5; Самойлов Д. Друг и соперник // Знамя. 1992. № 9; Елисеев Н. Путь Бориса Слуцкого // Звезда. 1995. № 5.

М. Ф. Пьяных

Я. В. Смеляков

СМЕЛЯКОВ Ярослав Васильевич [26.12.1912 (8.1.1913), Луцк Волинской губ.— 27.11.1972, Москва] — поэт.

В поэзию С. пришел из рабочего цеха и всегда подчеркивал в стихах кровную принадлежность к пролетариату, гордился тем, что он — поэт-рабочий, что «обе его основные профессии родственны» (Соч. Т. 3. С. 6). Работая в одной из московских типографий, юный С. по счастливому стечению обстоятельств сам набирал те страницы ж. «Октябрь», где печаталось его первое стих., а позже — свой поэтический сб. «**Работа и любовь**» (1932). В названии этого раннего сб. выражена доминанта всей поэзии С.: органическое единство социального, гражданского, пафосно-витийственного начала и нежного, лирико-элегического. В 1963 С. вновь назовет свою книгу стихов «Работа и любовь».

Яркий и талантливый представитель поэтического поколения 1930-х, С. вместе с друзьями-поэтами Б. Корниловым, П. Васильевым и др. создавал лирический образ современника, который не только трудился, ходил на собрания, но ощущал все богатство мира, его красоту, имел тонкую любящую душу, многообразный мир чувств. Герой раннего С. — это «молодой веселый человек», идущий по дорогам жизни и ощущающий свое кровное родство с временем. Это не винтик, а хозяин, который хочет «усталыми руками / Трогать свой незавершенный мир» (Соч. Т. 1.

С. 95). При всей прямолинейности и некоторой оголенности смысла ранние стихи С. привлекали юношеским задором, экспрессией и поэтической культурой, мастерством. В стих. **«Точка зрения»** (1932) поэт соединяет две противоположные точки зрения на искусство — старого художника и молодого работника нефтелавки: «Я хочу, чтобы в моей работе / Сочеталась бы горячка парня / С мастерством художника, который / Все-таки умеет рисовать» (Соч. Т. 1. С. 54). Любимый эпитет молодого поэта — «веселый»: «веселая страна», «веселые подростки», «веселые пешеходы», даже «веселый туберкулез». Ему удалось соединить в образно-стилистическом и языковом мире своего творчества грубоватый и прямолинейный язык комсомольских собраний с канцеляризмами, штампами, лозунгами — и нежную, веселую поэтическую речь и интонацию, близкую пушкинским традициям, «трубный глас» Маяковского и «голос свирели» С. Есенина. Ритм уличной песни о коварной измене в стих. **«Любка»** (1933) помогает передать новое и вечное в отношениях молодых людей 1930-х. Любка изменила рабочему пареньку с «транспортным студентом», стала совершенно другой. С доброй и грустной иронией С. пишет о силе любви и ревности, о власти искусства, которые не вмещаются в узкие социальные рамки классовой оценки: «Гражданин Вертинский / Вертится. Спокойно / Девочки танцуют / Английский фокстрот. / Я не понимаю, / Что это такое, / Как это такое / За сердце берет? / Я хочу смеяться / Над его искусством, / Я могу заплакать / Над его тоской, / Ты мне не расскажешь, / Отчего нам грустно, / Почему нам, Любка, / Весело с тобой?» (Соч. Т. 1. С. 87).

К концу 1930-х поэзия С. заметно углубляется, в ней все чаще звучат негромкие мотивы тишины (**«Я посвятил всего тебя искусству...»**), происходит своеобразное «лирическое отступление» в область интимного. Поэт много пишет о любви, красоте, милосердии. Классовое потеснено общечеловеческим, природным: «Если я заболел, / К врачам обращаться не стану. / Обращаюсь к друзьям, / Не сочтите, что это в бреду: / „Постелите мне стель, / Занавесьте мне окна туманом, / В изголовье поставьте / Ночную звезду“» (Соч. Т. 1. С. 165). Любовь «упрямого мальчишки», героя стих. **«Хорошая девочка Лида»** (1940), сродни любви Гейне и Пушкина.

Испытания военных лет, свой и народный трагический опыт внесли в поэзию С. 1940–50-х много нового. Поэт трижды подвергался

репрессиям (в 1934–38, 1941–44, 1951–55), тем не менее каждый раз он находил в себе силы оставаться самим собой, не сломиться и вернуться в поэзию, идти дальше. В стихах С. 1940–60-х появляются историзм и подчеркнутая социальная гражданственность, одические, витийственные интонации и ритмы, образы-эмблемы, выражающие «голую суть» времени: **«Наш герб»**, **«Кремлевские ели»**, **«Индустриальный пейзаж»**, **«Уголь»** и др. Лирический герой сдержанно говорит о своем личном; приобщившись к трагическим урокам истории вместе со всем народом, он несет в себе, всячески это укрупняя и подчеркивая, общенародные чувства и черты — масштабное величие судьбы, суровую мужественность, крепость и стойкость камня и железа: «Я строил окопы и доты, / Железо и камень тесал, / И сам я от этой работы / Железным и каменным стал» (Соч. Т. 1. С. 227). Позже, обращаясь к матери-земле, он скажет: «Ты дала мне вершину и бездну. / Подарила свою широту, / Стал я сильным, как терн, и железным, / Даже окиси привкус во рту» (Соч. Т. 1. С. 200).

С. ищет и находит новые точки соприкосновения «каменного» и «железного» с нежным, интимным. В стих. **«Памятник»** (1946) герою снится, что он превратился в чугунный памятник. Удачно обыгрывается при этом тема железа, «торжественного металла»: у неподвижной статуи поэта — чугунное сердце, брови, руки, даже метафоры в его стихах. Но любовь делает чудеса: заставляет монумент ожить, сойти с «блестящей высоты на землю», «рукой чугунной тихо» обнять любимую и даже заплакать: «На выпуклые грозные глаза / Вдруг набежит чугунная слеза. / И ты услышишь в парке под Москвой / Чугунный голос, нежный голос мой» (Соч. Т. 1. С. 208). «Чугунное» вовсе не противостоит «живому», они равнозначны и взаимно друг друга дополняют.

Важным этапом творчества С. была поэма **«Строгая любовь»**, которую поэт создавал в лагере в 1953–55. В ней с позиций эпохи 1950-х поэт оценивает свою юность, жизнь своего поколения и со строгой любовью пишет о «наивном аскетизме» подростков 1930-х — «детей стали», «мальчишек храбрых», «девочек железных», которые за «сжатыми лозунгами труда и твердой четкостью устава» не всегда обращали внимание на отдельную личность, мало ценили неповторимую индивидуальность и красоту каждого человека. Во второй части повести С. собирався усилить автобиографическую тему становления пролетарского поэта, но замысел не был осуществлен, были написаны лишь от-

дельные фрагменты. Теме юности, проблеме «отцов и детей», смене поколений С. посвятил поэму **«Молодые люди»** (1968).

В одном из лучших поэтических сб. С. **«День России»** (1967), удостоенном Гос. премии, трагические моменты российской истории воспринимаются через призму современности и современность оценивается как важный исторический этап, уходящий корнями в прошлое России и открытый в ее будущее: «И современники, и тени / В тиши беседуют со мной. / Острее стало ощущение / Шагов Истории самой» (Соч. Т. 2. С. 20). Поэт обращается к судьбам, жизни и смерти таких людей, в которых отразилось время, «день России», ее сложная история. Это сподвижник Петра — Меншиков, протопоп Аввакум, Лермонтов и Ахматова, командармы Гражданской войны и др. Запечатлены в стихах и главные приметы, детали, вещи, реликвии и святыни: кресло Ивана Грозного, пионерский галстук, косоворотка, этажерка, фотографические снимки и мн. др. Доверяя разуму истории, С. выступает против легковесных переоценок сложного исторического прошлого. В стих. **«Петр и Алексей»** (1959) царь жертвует сыном, «слабостным Алексеем», подавляя ради высоких гос. тягот отцовскую любовь. Поэт по-пушкински относится к «державному гению» Петра, его страдания, «императорский венец» ставя гораздо выше «тусклого венчика» мучений Алексея.

В сб. **«День России»** С. привлекал в первую очередь разум Истории, ее законы, в следующей книге — **«Декабрь»** (1970) он стремится постичь душу, сердце, «духовный трепет» событий, музыку истории. Лирический герой слышит время, постоянно разговаривает с современниками, спорит, исповедуется, размышляет. В жанре «маленького портрета» в судьбах конкретных героев — писателей, гос. деятелей, друзей юности — лирически тонко раскрывается индивидуальность и неповторимость каждой личности. Идя по трудным дорогам жизни, С. брал в руки не риторический «посох пророка», а «неказистый посошок» поэта-работячего, привыкшего вести «разговор о главном». Уже после смерти С. вышел сб. **«Служба времени»** (1975), в него вошли стих., во многом итоговые. Приветствуя скорый приход в лит-ру «нового Овидия» из рабочей среды, поэт радуется тому, что свою «маленькую службу» нес увлекательно и честно, служил времени на «главной магистрали» жизни.

Лит.: Дементьев В. Ярослав Смеляков: Сильный, как терн. М., 1967; Макаров А. Идущим вослед. М., 1969; Рассадин Ст. Ярослав Смеляков: Творческий портрет. М., 1971; Кякшто Н. Ярослав Смеляков // История русской советской поэзии. 1941–80. Л., 1984. С. 378–391.

Н. Н. Кякшто

СМЕРТИНА (настоящая фамилия Панасян) Татьяна Ивановна [2.12.1948, с. Сорвижи Арбажского района Кировской обл.] — поэт.

Уроженка Русского Севера. Родилась в семье служащих, в которой крепко переплелись крестьянские вятские и вологодские фамилии, славные кузнецами и кружевницами.

Деревенское детство прошло на вятском лесоучастке Кишкиль (Хомут) в семье бабушки Александры Федоровны Кислицыной и в с. Сорвижи. Грамотой овладела в трехлетнем возрасте самостоятельно. Стихи начала писать и читать с деревенской сцены с 5 лет. Лит-рой в семье никто не занимался, поэтических учителей и наставников не было. Много читала, в т. ч. учебники по лесоводству в лесхозе, книги Жана Фабра по естествознанию.

В 1966 окончила Сорвижскую среднюю школу. Первые публикации стихов еще в школьные годы в районных газ. «Арбажский льновод» и «Путь Ленина». С 1969 по 1974 училась в Лит. ин-те (Москва). В 1972

Т. И. Смертина

Соч.: Собр. стихотворений. Т. 1–3. М., 1977; Стихотворения и поэмы. Л.; М., 1979. (Б-ка поэта. Б. серия).